

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

THE AFTERMATH

RHIDIAN BROOK

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

РИДИАН БРУК

phantom press

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Б 89

THE AFTERMATH by RHIDIAN BROOK

Copyright © Rhidian Brook, 2013

Книга издана при содействии FELICITY BRYAN
и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Художественное оформление подготовлено издательством
«Фантом Пресс»

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Брук, Ридиан.

Б 89 После войны / Ридиан Брук ; [пер. с англ. С. Самуилова]. — Москва : Эксмо : Фантом Пресс, 2014. — 352 с. — (Vintage Story).

ISBN 978-5-699-74571-5

1946 год, послевоенный Гамбург лежит в руинах. Британский офицер Льюис Морган назначен временным губернатором Гамбурга и его окрестностей. Он несколько лет не видел свою жену Рэйчел и сына, но война позади, и семья должна воссоединиться. Губернатора поселяют в одном из немногих уцелевших домов Гамбурга — в роскошном и уютном особняке на берегу Эльбы. Но в доме живут его нынешние хозяева — немецкий архитектор с дочерью. Как уживутся под одной крышей недавние смертельные враги, победители и побежденные? И как к этому отнесется Рэйчел, которая так и не оправилась от трагедии, случившейся в войну? Не окажется ли роковым для всех великодушное решение не изгонять немцев из дома? Боль от пережитых потерь, страх и жажда мести, потребность в любви и недоверие сплетаются в столь плотный клубок, что распутать его способна лишь еще одна драма. «После войны» — история любви, предательства и мести на фоне руин, укутанных зимним безмолвием. Этот роман делает то, что и должны делать хорошие романы: ставит сложные вопросы, предлагая читателю самому отвечать на них. Книгу вполне оправданно сравнивают с романами Эриха Марии Ремарка, она столь же щемящая и непредсказуемая.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Сергей Самуилов, перевод
на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Фантом Пресс», 2014

ISBN 978-5-699-74571-5

Сентябрь 1946

1

— Зверь там. Я его видел. И Берти его видел. И Дитмар. У него черный мех, как шуба у какой-нибудь модницы. А зубы вылитые клавиши пианино. Надо нам его пристрелить. Больше некому. Томми?¹ Янки? Русские? Французы? Да им всем не до того, им другого надо. Будто псы грызутся из-за кости, на которой уже и мяса не осталось. Мы должны сделать это сами. Убить Зверя, пока он не добрался до нас. И тогда всем станет лучше.

Ози — это он вел их по городу, превращенному в пыль бомбардировками томми, — поправил каску. Каска у него была английская, украденная с грузовика возле Альстера. Может, и не такая стильная, как американская или даже русская, — они тоже имелись в его коллекции, — но английская каска как влитая сидела на голове, да и английские ругательства у него в ней получались лучше. Не отличить от того сержанта-томми, что орал на пленных возле гамбургского вокзала Даммтор: «Эй! А ну, мать вашу, руки вверх! Вверх, мать вашу! Чтоб я их видел! Тупые ублюдки. Сраные фрицы». А пленные всего-то на секунду опустили руки — не потому что не понимали его, а потому что ослабели от голода. Тупые долбанные мать вашу фрицы! Одевание

¹ Прозвище британских солдат. (Здесь и далее примеч. ред.)

Ози, от шеи и ниже, наводило на мысли об опустившейся богеме, рванина в сочетании с элегантною: шегольской халат, стариковский кардиган, деревенская рубаша без ворота, брюки штурмовика с подвернутыми штанинами и подпоясанные конторским галстуком-шнурком, разъявленные башмаки давно упокоившегося железнодорожника.

Группа беспризорников — белки полных страха глаз блестят на черных от копоти лицах — послушно следовала за своим вожакom через городские развалины. Петляя между горами битого кирпича, они вышли на расчищенную площадку, где лежал церковный шпиль, наминавший огромный снаряд. Ози поднял руку, приказывая остановиться, другой рукой ухватил под халатом за рукоять «люгера». Он настороженно принохивался.

— Здесь он. Я его чую. А вы? Чуете?

Бродяжки тоже по-кроличьи задержали носами, втягивая воздух. Ози приблизился к шпилю, прижался к его боку и медленно, выставив пистолет, точно волшебную лозу, начал продвигаться к зияющей дыре. Замер, ударил по металлической стенке конуса, показывая, что Зверь наверняка здесь. В следующий миг из шпиля вырвалась черная вспышка. Мальчишки съежились от страха, но Ози отчаянно оттолкнулся от корпуса шпиля, прищурился, целясь, и выстрелил.

— Сдохни, Зверь!

В сыром теплом воздухе выстрел прозвучал приглушенно, а последовавший за ним короткий металлический звон известил, что пуля не нашла цель.

— Попал? Ты попал?

Ози опустил руку и сунул пистолет за пояс.

— Мы доберемся до него. Пошли поищем чего-нибудь пожрать.

После войны

— Сэр, мы нашли для вас дом.

Капитан Уилкинс потушил сигарету, ткнул желтый от табака палец в карту Гамбурга, припиленную к стене, и прочертил прямую — от булавки, обозначающей временную штаб-квартиру, от разбомбленных кварталов Хаммербрук и Санкт-Георг, на запад, через Санкт-Паули и Альтону к старому рыбацкому пригороду Бланкенезе, где Эльба, повернув, устремляется к Северному морю. Вырванная из довоенного путеводителя карта ничего не говорила о том, что все эти городские кварталы теперь лишь призраки из золы и щебня.

— Настоящий дворец у реки. Вот здесь. — Палец Уилкинса остановился в конце Эльбшоссе — улицы, протянувшейся вдоль реки. — Думаю, сэр, вам придется по вкусу.

Эти слова были из другой жизни, из мира удобств и приятных мелочей. Последние несколько месяцев Льюису было по вкусу, если удовлетворялось элементарное: 2500 калорий в день, немного табаку и тепло. А «настоящий дворец у реки» — это скорее из области капризов и аристократических прихотей.

Льюис встряхнулся, покидая непокорный парламент, яростно дискутировавший у него в голове.

— Разве там никто не живет?

Уилкинс заколебался, не зная, как ответить. У командира прекрасная репутация и безупречный послужной список, но человек он со странностями и мир видит по-особому. Помявшись, молодой капитан отделался текстом из недавно проштудированной методички:

— У этих людей, сэр, нет нравственных принципов. Они опасны и для нас, и для себя. Они должны понимать, кто здесь главный. Их нужно направлять. Твердой, но справедливой рукой.

Льюис кивнул, предлагая капитану продолжать. Холод и привычное недоедание приучили его экономить силы, в том числе и расходуя слова.

— Дом принадлежит семье по фамилии Люберт. На конце твердое «т». Жена погибла при бомбежке. Ее семья занималась торговлей продовольствием, по-крупному. Имели связи с «Бломом и Фоссом». Владели также несколькими мукомольными заводами. Герр Люберт был архитектором. Его еще не проверили, но мы полагаем, что он вполне белый или, в худшем случае, серый, несмотря на явную связь с нацистами.

— Хлеб...

— Да, сэр?

Льюис не ел весь день, и упоминание мукомольных заводов вызвало в голове яркий образ свежего, еще теплого хлеба, оттеснив на задний план стоявшего у карты капитана.

— Продолжайте... Так что там с семьей? — Льюис кивнул, имитируя любопытство.

— Жена Люберта погибла в сорок третьем. При пожаре. Ребенок один, дочь Фрида, пятнадцать лет. Есть прислуга — горничная, кухарка и садовник. Садовник — мастер на все руки. Бывший солдат вермахта. Есть родственники, к которым Люберты могут переехать. Прислугу расквартируем, или, если хотите, пусть остается. Их проверили. В общем, чисты.

«Сортировщики душ» из разведотдела Контрольной комиссии оценивали чистоту с помощью Fragebogen — опросника из 133 вопросов, призванных определить, насколько глубоко германский гражданин сотрудничал с нацистским режимом. По результатам такого опроса люди распределялись на три группы — черную, серую и белую.

После войны

— Реквизиция особняка для них не станет сюрпризом. Вам нужно лишь осмотреть место, а потом они выметутся. Думаю, сэр, разочарованы не будете.

— А они, капитан? Они будут разочарованы?

— Они?

— Люберты. Когда я их выставлю.

— Им такая роскошь, как разочарование, не положена. Это немцы, сэр.

— Конечно. Как-то я не подумал. — Продолжать тему Льюис не стал. Еще несколько таких вопросов — и этот ловкий юнец с начищенной до блеска ременной пряжкой и в новеньких крагах доложит о нем психиатрам.

Из здания британской штаб-квартиры он вышел в сентябрьскую зябкость. Выдохнул парок и натянул лайковые перчатки, подаренные капитаном Маклеодом, американским танкистом, — в тот день, когда в городской ратуше Бремена союзники определили разделительные линии новой Германии.

— Похоже, у вас худшая сдача, — сказал тогда Маклеод, прочитав коммюнике. — Французам достается вино, нам — виды, а вам, парни, руины.

Льюис так долго жил среди руин, что давно перестал замечать их. Одет он был вполне подходяще для губернатора в новой, поделенной на четыре части Германии, — одежда его словно отражала послевоенный хаос.

Американские перчатки были, конечно, ценной вещью, но больше всего Льюиса радовал русский овчинный полушубок, доставшийся ему еще от одного американца, а к тому перешел от летчика люфтваффе, который, в свою очередь, конфисковал полушубок у пленного полковника Советской Армии. Льюис очень рассчитывал на него в преддверии скорых холодов.

От Уилкинса он отделался с облегчением. Молодой офицер прибыл в составе Контрольной комиссии — целой армии бюрократов, мнивших себя архитекторами реконструкции. Лишь немногие из них не то что бывали на фронте, а хотя бы видели немца живьем, но это не мешало им самоуверенно теоретизировать и принимать решения. В капитанах этот Уилкинс долго не засидится.

Льюис достал из кармана серебряный портсигар. Солнечный свет на миг полыхнул на гладкой, начищенной до блеска поверхности. Льюис регулярно полировал портсигар. Это была единственная ценность, с которой он никогда не расставался, — прощальный подарок Рэйчел, она дала ему портсигар у ворот последнего нормального дома, где он жил, — в Амершаме, три года назад. «Вспоминай обо мне, закуривая», — сказала она, и он старался — по пятьдесят, а то и шестьдесят раз в день; это стало своего рода маленьким ритуалом, попыткой поддержать огонек любви. Льюис закурил. Огонек любви... Под призмой времени и расстояния он казался куда живее и жарче, чем в реальности. Воспоминания о любовных ласках, о гладкой оливковой коже, об округлых изгибах тела помогали переносить холод и одиночество, и чем дольше длилась война, тем сильнее они волновали его. Льюис так привык к присутствию образа жены, так свyksя с ее эрзац-вариантом, что перспектива скорой встречи с оригиналом, с реальными прикосновениями и запахами выбивала его из колеи.

К крыльцу штаб-квартиры подкатил сияющий черный «мерседес 540К» с британским флажком на капоте. «Юнион Джек» выглядел чужеродной, неуместной деталью на этом вражеском великолепии. Но Льюису

После войны

нравился автомобиль, нравились его плавные линии и мягкое, вкрадчивое урчание мотора. Оснащена машина была не хуже океанского лайнера, сходства с которым добавлял и сверхосторожный стиль шофера, герра Шредера. И никакой флажок не мог перечеркнуть немецкую суть этого автомобиля. Англичане уместны в родных неуклюжих «остинах 16», но никак не в этом brutальном и прекрасном авто, истинном захватчике мира.

Спустившись по ступенькам, Льюис козырнул водителю. Шредер, грубоватый, небритый мужчина в черной фуражке и плаще с капюшоном, выбрался из машины, торопливо обогнул ее, открыл заднюю дверцу и замер в полупоклоне.

— Меня вполне устроит переднее, герр Шредер.

Столь вольное отношение к субординации потрясло водителя:

— Nein, Herr Kommandant.

— В самом деле? Sehr gut.

— Bitte, Herr Oberst¹.

Шредер, захлопнув заднюю дверцу, предупреждая вскинул руку. Льюис отступил, подыгрывая, но чрезмерная почтительность немца ему не нравилась, за всеми этими жестами угадывалось рвение побежденного, стремящегося угодить новому хозяину. Уже в машине он передал шоферу клочок бумаги, на котором Уилкинс написал адрес дома, где, по всей видимости, ему предстояло провести ближайшее время. Водитель прищурился, прочитал и одобрительно кивнул.

Автомобиль осторожно маневрировал между воронками от бомб и вялыми ручейками из людей, бредущих

¹ Нет, герр комендант.

Очень хорошо.

Пожалуйста, герр полковник (нем. — *Здесь и далее*).

неведомо куда, придавленных тяжестью узлов, коробок с останками прежней жизни и гнетущего, почти осязаемого беспокойства. Их словно отшвырнуло в далекое прошлое человечества, когда выжить можно было, лишь кочуя в поисках пропитания.

Люди шли молча, но над руинами точно завис призрак ужасающего шума. Словно неведомая и безжалостная сила разметала этот город, оставив лишь отдельные кусочки прежнего мира, из которых предстояло воссоздать мир, которого больше нет. Stunde Null. Час ноль. Эти люди начинали с белого листа, на пустом месте, добывая хлеб насущный буквально из ничего. Две женщины с натугой тянули груженную мебелью телегу; их обогнал мужчина с портфелем, он шагал с таким деловитым видом, будто искал контору, в которой когда-то работал, будто и не было вокруг никакой разрухи, а апокалиптическая архитектура привычна и естественна.

Руины тянулись насколько хватало глаз, редкие уцелевшие дома окружали горы мусора, достигавшие второго этажа. Трудно поверить, что когда-то люди здесь читали газеты, пекли пирожные и раздумывали над тем, какие картины повесить в гостиной. Из-за останков зданий вдруг показалась церковь — небо вместо витражей и ветер вместо паствы. На другой стороне улицы — жилые дома, устоявшие в буре, но лишившиеся фасадов, и теперь комнаты были открыты непогоде и чужим взглядам, кукольные домики великана. В одной из комнат, не замечая ничего и никого, женщина ласково расчесывала волосы сидящей перед туалетным столиком девочке.

Дальше по улице в горах мусора копошились женщины и дети, не оставившие надежду найти что-то съестное или спасти осколки прошлого. Черные кресты

После войны

отмечали места, где в ожидании захоронения лежали мертвые. И повсюду из земли торчали трубы подземного города, выдыхавшие в небо черный дым.

— Кролики? — спросил Льюис, увидев, как прямо из земли возникли какие-то существа.

— Trümmerkinder! — с внезапной злостью выпалил Шредер, и только тогда Льюис увидел, что это дети, *дети мусора*, и что из нор их выманил его автомобиль. — Ungeziefer!¹ — с непонятной яростью сказал шофер, когда трое детей — то ли мальчишек, то ли девчонок, определить было невозможно, — метнулись наперерез автомобилю.

Шредер резко посигналил, но надвигающаяся черная махина не отпугнула детей. Они не сдвинулись с места, и остановиться пришлось «мерседесу».

— Weg! Schnell!² — заорал Шредер, на шее у него пульсировала вена.

Он еще раз посигналил, но один из детей — мальчишка в домашнем халате и с английской каской на голове — бесстрашно приблизился к машине со стороны Льюиса, запрыгнул на подножку и постучал в стекло:

— Что есть, томми? Гребаный сэндвич? Шоко?

— Steig aus! Sofort!³ — Брызжа слюной, Шредер перегнулся через колени полковника и потряс кулаком.

Между тем двое других мальчишек, запрыгнув на капот, старались отодрать хромированную эмблему «мерседеса».

Шредер распахнул дверцу и, выскочив из машины, попытался схватить одного из них. Мальчишки провор-

¹ Паразиты!

² С дороги! Быстро!

³ Убирайся! Давай!

но переместились на другую сторону капота, но Шредер успел ухватить одного из них за подол ночной рубашки. Он дернул беспризорника к себе, одной рукой сжал за шею, а другой влепил оплеуху.

— Шредер! — Льюис впервые за несколько месяцев повысил голос и сам удивился тому, как это прозвучало — сухо и надтреснуто.

Водитель, словно не слыша, продолжал отвешивать мальчишке затрещины.

— Halt!¹ — Льюис выбрался из машины, и мальчишки испуганно попятились от автомобиля.

Шредер наконец услышал и остановился. На лице его застыло странное выражение, смесь стыда и сознания собственной правоты. Отпустив мальчишку, он вернулся в машину, бормоча что-то под нос и тяжело дыша, как после тяжелой работы.

— Hier bleiben!² — сказал Льюис, глядя на сгрудившихся детей.

Старший мальчик двинулся к машине, еще несколько опасливо последовали за ним. Остальные, едва ли не сливаясь с пепельно-грязным ландшафтом, уже что-то выковыривали из мусора. Льюис почти чувствовал исходящий от детей запах голода. Со всех сторон к доброму английскому божеству, сошедшему с сияющей черной колесницы, уже тянулись грязные тощие руки. Льюис взял из машины походный рюкзак, в кармашке которого лежали шоколадный батончик и апельсин, протянул шоколадку старшему мальчишке:

— Verteil!³

¹ Стоять!

² Эй, подойдите!

³ На всех!

После войны

Апельсин он отдал самому младшему из детей, девочке лет пяти или шести, — вся ее жизнь прошла в войну, — повторив тот же наказ. Но малышка тут же впилась в апельсин зубами, словно это было яблоко, не обращая внимания на кожуру. Льюис попытался объяснить, что фрукт нужно почистить, но девочка быстро отвернулась, испугавшись, что ее заставят отдать бесценный дар.

Детей все прибывало, и все тянули руки, включая одноногого мальчика, опиравшегося на клюшку для гольфа.

— Шоко, томми! Шоко! — кричали они.

Ничего съестного у Льюиса больше не было, зато имелось кое-что более ценное. Он достал портсигар, отсчитал десять сигарет «плеерс» и протянул старшему, глаза у которого округлились при виде такого сокровища. Льюис знал, что нарушает инструкции — с немцами не общаться и не подпитывать черный рынок, — но сейчас ему было плевать на правила. Эти сигареты дети обменивают на продукты у какого-нибудь крестьянина. Инструкции и правила под диктовку страха и мести писали люди, сидевшие в своих безопасных кабинетах, а здесь, среди этих руин, сейчас и на ближайшее будущее законом был он.

Стефан Люберт стоял перед оставшейся прислугой — хромым садовником Рихардом, суматошной горничной Хайке и прослужившей в доме тридцать лет кухаркой Гретой — и давал последние наставления. Хайке уже плакала.

— Будьте почтительны. Служите ему, как служили бы мне. И, Хайке... да это и остальных касается... Если он предложит вам постоянное место, вы вольны в сво-